

Предисловие

Николай Николаевич Покровский (1930–2013) — выдающийся российский историк, археограф, источниковед, организатор науки, академик РАН (1992; член-корреспондент АН СССР с 1987)¹. Талант его был многогранен, а диапазон научных интересов — огромен: почти вся тысячелетняя история России от XIII и до начала XXI века включительно. Н. Н. Покровский внес значительный и неоспоримый вклад в развитие отечественной и мировой историографии: он автор более чем 300 статей, 23 книг и монографических изданий источников. Труды Николая Николаевича были также востребованы специалистами других областей гуманитарного знания: литературоведами и этнографами, археологами и историками, лингвистами и географами.

Н. Н. Покровский родился 20 июня 1930 г. в Ростове-на-Дону. Его отец Николай Ильич был первым деканом историко-филологического факультета Ростовского государственного университета, его перу принадлежит классический труд «Кавказские войны и имамат Шамиля». Учеба в МГУ приобщила Н. Н. Покровского к лучшим традициям московской школы русской истории. После аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации Н. Н. Покровский по приглашению своего учителя академика М. Н. Тихомирова стал преподавателем МГУ. Происходившие в стране изменения, переосмысление ее недавнего прошлого привели его к работе с только что открывшимися источниками советского времени. За попытки беспристрастно разобраться в происходившем пришлось заплатить сполна. В 1957 г. за участие в кружке молодых историков Московского университета² Н. Н. Покровский был арестован, а в 1958 г. приговорен к шести годам пребывания в мордовских лагерях (реабилитирован в 1989 г.).

Судебное дело, по которому проходил Н. Н. Покровский, было одним из самых громких и известных в период после XX съезда партии, положившего начало

¹ Сведения о биографии и творческом пути Н. Н. Покровского приводятся по: *Зольникова Н. Д.* Николай Николаевич Покровский: Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Николай Николаевич Покровский / Сост. З. В. Бородин, О. Д. Журавель, И. А. Шишилов; авт. вступ. ст. Н. Д. Зольникова. М., 2010 (Материалы к биобиблиографии ученых: История. Вып. 34). С. 7–20; То же (доп. и испр.): Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 7–16 (Серия «Археология и источниковедение Сибири», вып. 39); *Гурьянова Н. С.* Покровский Николай Николаевич // Православная энциклопедия. Т. LVII. М., 2020. С. 99–103.

² О деле см.: *Герасимова О. Г.* «Оттепель», «Заморозки» и студенты Московского университета. М., 2015; *Сергеев В. Н.* К вопросу об идеологии группы Краснопевцева-Ренделя // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2012. № 3. С. 98–103; *Сергеев В. Н.* «Университетское дело»: формирование оппозиционных взглядов группы Л. Краснопевцева — Л. Ренделя // <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=69> (дата обращения: 10.06.2018).

десталинизации, когда последовали польские и венгерские события 1956 г., оказавшие сильнейшее влияние на внутривластную ситуацию в стране. На волне общественного подъема и воодушевления, особенно среди молодежи, от открывавшихся возможностей свободы руководство страны решило принять меры к «зарвавшимся элементам», неправильно или искаженно понявшим решения партии и происходившие события, в первую очередь в отношении интеллигенции и студенчества. Во многом такая позиция власти диктовалась страхом перед возможным повторением венгерских событий в СССР и проявлениями политического инакомыслия. В этих условиях было решено начать уголовное преследование «политически незрелых людей», занимавшихся «нигилистической критикой» проводимых в стране мероприятий и дискредитацией руководителей партии и государства. Ключевым документом в изменении репрессивной политики послесталинского периода, направленной на ужесточение преследований и наказаний за антисоветскую агитацию и враждебную деятельность, стало письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антиобщественных враждебных элементов» от 19 декабря 1956 г. Этим документом был запущен в действие репрессивный механизм намеченной властью кампании, осуществленной в 1957–1958 гг. Письмо стало прямой директивой для судебно-следственных органов о начале преследования свободомыслящих представителей интеллигенции и студенческой молодежи по «контрреволюционным» статьям Уголовного кодекса РСФСР³. То, что процесс по «университетскому делу» рассматривался как устрашающая мера воздействия в рамках данной кампании, подтверждает факт рассмотрения судебных наказаний для обвиняемых по этому делу на самом верху тогдашней властной вертикали. Об этом, в частности, рассказал в своих воспоминаниях о Н. Н. Покровском профессор Р. Г. Пихоя: «После моего переезда в Москву на должность руководителя государственной архивной службы наши встречи продолжились. Мне удалось получить в архиве Политбюро документы по событиям 1957 г. Николай Николаевич был изумлен, что их дело рассматривалось на уровне Президиума ЦК и все приговоры фактически были утверждены еще до суда. “А мы думали, что хорошие адвокаты помогут”, — то ли сокрушался, то ли рассуждал он»⁴. Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 3 мая 1989 г. приговор по делу отменен за отсутствием состава преступления.

С начала 1964 до августа 1965 г. Николай Николаевич работал во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике, а в 1965 г. по рекомендации своего учителя М. Н. Тихомирова опальный историк приехал в новосибирский Академгородок,

³ *Паповян Е., Паповян А.* Участие Верховного суда СССР в выработке репрессивной политики 1957–1958 гг. // *Корни травы: сборник статей молодых историков.* М., 1996. С. 54–72; *Паповян Е.* Применение статьи 58–10 УК РСФСР в 1957–1958 гг. // Там же. С. 73–87; *Кузовкин Г.* Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Там же. С. 88–125.

⁴ *Пихоя Р. Г.* Николай Николаевич Покровский, как я его помню // *Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского.* Новосибирск, 2020. С. 699 (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 39).

в Сибирское отделение АН СССР. Одним из важнейших направлений его работы стал поиск древних книг на просторах Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Десятки археографических экспедиций не только позволили создать известное собрание древнерусских рукописей и старопечатных книг, они открыли дотоле неведомый богатейший мир письменной духовной культуры русских крестьян-староверов в огромном регионе России — от Урала до Дальнего Востока. Поистине неоценим вклад Н. Н. Покровского в становление и развитие отечественной археографии. «Археографическое открытие Сибири» (определение одного из главных направлений деятельности Покровского, данное в свое время Д. С. Лихачевым и А. М. Панченко) повлекло за собой яркие научные открытия. Среди его первых уникальных находок — затерянный в алтайской глуши сборник XVI века с единственным полным списком материалов суда над Максимом Греком. Открытая Н. Н. Покровским, его коллегами и учениками неизвестная ранее народно-христианская литература, вобравшая богатейший мир духовной культуры русских крестьян, нашла отражение в целом ряде подготовленных им публикаций.

В Новосибирске Покровский возглавил образованную его усилиями и утвержденную в ноябре 1970 г. решением Президиума СО АН СССР археографическую группу при секторе истории дооктябрьского периода, а затем созданный на ее основе в 1975 г. сектор археографии и источниковедения, которым руководил вплоть до своей кончины. Занимался он и научно-организационной работой: заместитель председателя (1971–1981) и председатель (1981–1991) Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР, заместитель председателя Археографической комиссии АН СССР (РАН) (1981–2013), заместитель директора Института истории СО РАН по научной работе (1992–2003), член Президиума СО РАН и председатель его Научно-издательского совета (1997–2001). Параллельно с работой в СО АН СССР (РАН) Н. Н. Покровский в 1965–1998 гг. преподавал на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета (профессор с 1977). В 2009–2010 гг. по приглашению Православной гимназии во имя преподобного Сергия Радонежского прочитал лекционный курс, посвященный истории взаимоотношений государства и Церкви на Руси в XIII–XVI вв.⁵ Член Совета Российского фонда фундаментальных исследований (1992–1994), заместитель председателя (1994–2001) и член Высшего экспертного совета (2001–2013) Российского гуманитарного научного фонда. Награжден орденами Почета (1998) и Дружбы (2005); орденами РПЦ: св. митр. Макария 3-й степени (2002), прп. Сергия Радонежского 3-й степени (2009). Лауреат Демидовской премии (1995).

Уже в ранних работах Н. Н. Покровского был задан вектор всех его дальнейших исследований, определивший также одну из главных особенностей созданной им научной школы: верность письменному источнику, привлечение всего комплекса специальных исторических и филологических дисциплин — кодикологии,

⁵ Этот курс лег в основу последней книги, вышедшей при жизни Н. Н. Покровского: Русская Церковь и государство в XIII — XVI веках: учебное пособие (Новосибирск, 2013. 441 с.).

текстологии, источниковедения. Столетиями наработанные методы медиевистики Н. Н. Покровский применял и к изучению новейшей российской истории.

Фундаментальные и пионерные научные труды Николая Николаевича Покровского, инициированные и подготовленные им и под его руководством публикации исторических источников хорошо известны профессиональному сообществу⁶. Этого нельзя сказать об эпистолярном и мемуарном наследии ученого — до сих пор были сделаны лишь первые шаги по его изданию, изучению, введению в научный оборот.

В настоящее издание включены написанные им письма и воспоминания.

Значительная часть эпистолярного наследия Н. Н. Покровского остается пока недоступной, ибо была сдана (вместе со всеми материалами, в том числе не эпистолярного характера) вдовой академика Н. Д. Зольниковой в Государственный архив Новосибирской области и закрыта на довольно длительный срок⁷. В нашем распоряжении оказалась лишь та часть писем, которая была обнаружена Н. Д. Зольниковой после сдачи основного архива. Это преимущественно письма Н. Н. Покровского к матери, Т. А. Прасоловой, и сестре, С. Н. Покровской⁸. Наряду с частной перепиской мы публикуем несколько писем делового характера,

⁶ Шмидт С. О. К предыстории издания последних книг академика М. Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 368–376 (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 14); Ромодановская Е. К. Н. Н. Покровский как археограф и источниковед // АЕ за 1990 г. М., 1992. С. 174–178; она же. Академик Николай Николаевич Покровский — организатор и руководитель археографических работ в Сибири // АЕ за 2000 г. М., 2001. С. 245–246; Николай Николаевич Покровский / Сост.: З. В. Бородина и др.; вступ. ст. Н. Д. Зольниковой. М., 2010. (Материалы к библиографии ученых: История; 34); Зольникова Н. Д. Выдающийся археограф // Universum Humanitarium. Новосибирск, 2015. № 1. С. 214–221; она же. Н. Н. Покровский как исследователь // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 4–13 (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 33); она же. Н. Н. Покровский по письмам коллег и друзей: Личность в общественной среде (1970–1980-е гг.) // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 8–24 (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 34); она же. Н. Н. Покровский как историк Церкви и православия: Начало пути // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 3 (19). С. 111–146; она же. Н. Н. Покровский как организатор науки (2-я пол. 1960-х — 1980-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2017. Т. 24. № 1. С. 32–39; Швейковская Е. Н. Судебно-следственные материалы XVI–XVIII вв. в творчестве акад. Н. Н. Покровского: Источниковедческий аспект // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 25–34 (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 34).

⁷ ГАНУ. Ф. Р-2475. См.: Демитриева О. С. Обзор документов фонда личного происхождения академика Н. Н. Покровского, хранящегося в Государственном архиве Новосибирской области // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 626–630 (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 39).

⁸ Все эти письма после снятия нами с них копий были сданы сыном Н. Н. Покровского в ГАНУ и присоединены к основному фонду. Поскольку фонд пока не описан, сноски на него не делаются.

черновики которых сохранились в личном архиве, в том числе и те, которые были подготовлены для отправки от имени директора Института истории Сибирского отделения АН А. П. Окладникова. Наталья Дмитриевна задумала публикацию писем Николая Николаевича к матери и начала готовить их к печати. Она же впервые обратила внимание на «обширный комплекс семейной переписки» как на ценнейший исторический источник и ввела часть его в научный оборот⁹. В личных фондах нескольких коллег удалось обнаружить письма к ним Н. Н. Покровского.

Одна из самых сложных проблем, с которой мы столкнулись, — это отбор писем, а также вопрос о полной или частичной передаче их текста. Было принято непростое решение публиковать лишь часть писем, в ряде случаев в письмах к матери и сестре делаются купюры. Мы руководствовались следующими соображениями. Во-первых, большой массив имеющихся в нашем распоряжении писем делает невозможной полную их публикацию. Во-вторых, в текстах писем имеются сведения сугубо частного и даже интимного характера, публикация которых и по нашему мнению, и по мнению родственников, пока невозможна (их пропуск, отмеченный отточием в угловых скобках, особо не оговаривается). Существуют и право интеллектуальной собственности, и прямое юридическое ограничение обнародования текстов, нарушающих тайну личной и семейной жизни¹⁰. Купюры не делаются в тех (к сожалению, сравнительно немногих) письмах, которые адресованы коллегам и находятся в их архивных фондах. Это 4 письма академику М. Н. Тихомирову, 2 письма академику Н. М. Дружинину, 36 писем С. О. Шмидту, 3 письма В. И. Малышеву, 1 письмо Н. Я. Эйдельману (не публикуются письма, выходящие за обозначенные хронологические рамки). В фондах других ученых писем Н. Н. Покровского обнаружить не удалось, а фонды Д. С. Лихачева, В. И. Буганова, А. А. Зимина и В. И. Корецкого пока недоступны. Понятно, что обычно письма откладываются в архивах адресатов. Собственно говоря, с такой ситуацией мы имеем дело и в данном случае — письма сохранились у матери, которой они были адресованы. Но Татьяна Андреевна привезла их с собой, когда переехала к сыну в Академгородок, так они оказались в архиве автора.

⁹ *Зольникова Н. Д.* Письмо архимандрита Иннокентия (Просвирнина) Н. Н. Покровскому // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 2 (14). С. 221–230; *Зольникова Н. Д.* Н. Н. Покровский по письмам коллег и друзей: личность в общественной среде (1970–1980-е гг.) // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 8–24 (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 34); *Зольникова Н. Д.* Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ: переписка Н. Н. Покровского и его близких в 1957–1963 гг. // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI — XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 7–41 (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 36).

¹⁰ Очень жестко высказались по этому поводу родственники А. А. Зимина (см.: *Козлов В. П.* О нетерпении в освоении документального наследия по истории советской исторической науки // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 134–138; *Козлов В. П.* О некоторых морально-этических вопросах публикации документальных источников по истории России XX в. // Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания. М., 2017. С. 123–142).

«Письма, написанные учеными-историками, давно и, в общем, вполне успешно используются в качестве одного из историографических источников... Письма неоднократно использовались при изучении жизненного пути и творческой эволюции ученого... Существует и литература, посвященная теоретическому осмыслению специфики использования эпистолярных текстов в качестве историографического источника»¹¹. Понимая все значение быта, личной жизни, повседневной жизни вообще, мы сознательно минимизировали информацию об этих сюжетах. Мы старались выбрать те письма и их фрагменты, которые позволяют осветить интеллектуальную биографию, содержат информацию о становлении и эволюции взглядов автора, об успехах и трудностях в работе, о научных планах и идеях, о важных для его эмоционального состояния впечатлениях от природы, художественных произведений, кинофильмов и спектаклей.

Мемуарное наследие Н. Н. Покровского состоит из двух частей.

Первая часть — устные рассказы Н. Н. Покровского о своей жизни, созданные и записанные по инициативе Н. Д. Зольниковой и сотрудников новосибирской Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского. Это мемуары Николая Николаевича и его сестры Светланы Николаевны, опубликованные двумя частями (в выпусках «Археографии и источниковедения Сибири»¹² и «Археографического ежегодника»¹³), и довольно подробное повествование, сохранившееся в диктофонной и видеозаписи, расшифрованное и отредактированное сотрудниками издательского отдела Православной гимназии под руководством протоиерея Б. И. Пивоварова¹⁴. Последний текст был выбран в качестве основного при публикации всех мемуаров, так как он позже создан и богаче по содержанию. Мы рассматриваем его как своеобразную сводную редакцию воспоминаний. Вслед за этим текстом помещены мемуары Николая Николаевича и его сестры Светланы Николаевны, записанные на магнитофон, расшифрованные и опубликованные Н. Д. Зольниковой. Сопоставление текстов показывает немало совпадений, порой дословных. Есть и различия: более или менее подробно освещены некоторые сюжеты, по-разному интерпретируются факты, характеризуются

¹¹ Корзун В. П., Мамонтова М. А., Свешиников А. В. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX — XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков). Омск, 2003. С. 3, 10.

¹² Н. Н. Покровский, С. Н. Покровская. Мемуары. С магнитофонной записи, сделанной в августе-сентябре 2003 г. в Ростове-на-Дону (примеч. в тексте). Запись и расшифровка осуществлены Н. Д. Зольниковой // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 525–579. (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 24).

¹³ Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских (К 75-летию со дня рождения Н. Н. Покровского) // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 534–551. Расшифровка магнитофонной записи, сделанной в Ростове-на-Дону в сентябре 2004 г. Запись и расшифровка осуществлены Н. Д. Зольниковой.

¹⁴ Воспоминания (устные мемуары, записанные в 2007 г. сотрудниками новосибирской Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского и отредактированные ими же в 2020 г.).

отдельные лица. Еще одно немаловажное замечание. Н. Н. Покровский в 2007 г. воспроизводит и собственные рассказы 2003 и 2004 годов, и рассказы своей сестры. Иногда (нечасто) он отмечает это обстоятельство. По всей вероятности, подобное явление можно объяснить стремлением дать более целостное представление о тех событиях и людях, память о которых он хотел сохранить. Именно по его просьбе в 2007 г. были сделаны диктофонная и видеозапись этих воспоминаний сотрудниками гимназии, с которой Н. Н. Покровского связывали около 15 лет самого тесного сотрудничества.

К ним примыкает небольшой по объему мемуарный текст, обнаруженный сотрудниками Открытого архива СО РАН в личном архиве Н. А. Притвиц (сообщено И. А. Крайневой) и размещенный на сайте Открытого архива (http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Oh_1573). Он озаглавлен «Годы пятидесятые и шестидесятые». Ни нам, ни И. А. Крайневой, ни сыну академика Н. Н. Покровского не удалось обнаружить публикацию этого текста. В бумагах Н. Д. Зольниковой имелся один лист черного автографа Николая Николаевича, дошедший до нас в виде ксерокопии. Скорее всего, эти воспоминания предназначались для «Археографического ежегодника» 1993 г., в котором особый раздел посвящен столетию М. Н. Тихомирова¹⁵. Почему этот текст не был опубликован среди других, трудно сказать. Можно предполагать, что рукопись не дошла вовремя, может быть, пыталась организовать доставку глава пресс-службы СО РАН Н. А. Притвиц, в архиве которой эти воспоминания и сохранились.

Вторая часть — небольшие очерки, написанные «по случаю» и посвященные отдельным лицам (П. А. Зайончковскому, А. А. Зимину, Н. Я. Эйдельману)¹⁶ или эпизодам собственной биографии (участию в «деле молодых историков», работе на Гуманитарном факультете НГУ)¹⁷. Они существенно дополняют основной текст мемуаров. Все они ранее публиковались и воспроизводятся по публикациям.

Для устных воспоминаний Николая Николаевича характерны традиционные для классических автобиографий сведения о предках (правда, — и это очень характерно для советской эпохи — мемуарист почти ничего не знает уже о прадедах), об истории семьи, презентация «золотого детства». Эта почти неизменная и необходимая составляющая усилена в его рассказах вследствие трагического прерывания счастливого детства и юности внезапной смертью отца, который был для сына идеалом, в том числе и в профессиональном отношении. Представлены в воспоминаниях и характерное для многих ученых описание университетской жизни,

¹⁵ Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 3–71.

¹⁶ Покровский Н. Н. От Нестора до Солженицына // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 128–131; Покровский Н. Н. Встречи // Историк в России. Между прошлым и будущим: статьи и воспоминания: 90-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина посвящается. М., 2012. С. 612–615; Покровский Н. Н. В пространстве и времени [предисловие] // Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 3–6.

¹⁷ Покровский Н. Н. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. С. 124–126; Из воспоминаний Н. Н. Покровского // ЛОГОС. Историко-литературный альманах. Вып. 1. Хроника гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 1997.

портреты учителей, а также распространенные в мемуарах универсантов разных эпох картины быта в общежитии. Мемуарист подчеркивает определяющую роль семьи в собственном становлении, выделяет те моменты семейной истории, которые способствовали его профессиональному самоопределению: прекрасную домашнюю библиотеку с богатым фондом лучших книг по истории, отцовские занятия и успехи, понимание значения тех событий, очевидцем которых ему пришлось стать уже в ранние годы. Так, запечатлелся в памяти и ярко описан уход по горам из Ростова от немцев. В публикуемых воспоминаниях в очень значительной степени (особенно в последней редакции) проявилась оценка и интерпретация фактов с точки зрения того времени, когда они создавались, тех взглядов, которые существовали у автора в 2000-е годы. Есть в них — как и в мемуарах историков его же и предыдущих поколений — и отрефлексированное объяснение осуществленного некогда профессионального выбора. Однако Покровский не оставил так называемых «больших» мемуаров, «в которых был бы целостно описан весь путь ученого»¹⁸.

Ценность и значение публикуемых источников очевидны в свете возникшего в последние десятилетия и нарастающего интереса к внутреннему миру историков (особенно историков середины — второй половины XX в.), к их непрофессиональным (или не только профессиональным) интересам и увлечениям, к историографическому быту. Подобные материалы «позволяют лучше понять научную и человеческую индивидуальность»¹⁹ как их авторов, так и многих фигурирующих в них лиц.

Общая ситуация с «мемуарным взрывом», созданием и публикацией мемуаров историков на переломе эпох (т.е. в 1990-е — 2000-е годы) освещена О.Б. Леонтьевой²⁰. Общий рост изданий воспоминаний, дневников, писем историков характерен (пока) для сочинений поколения учителей и старших коллег Н.Н. Покровского. К последним относятся Е.В. Гутнова²¹, А.Я. Гуревич²², А.А. Зимин²³, А.М. Некрич²⁴, М.Г. Рабинович²⁵ и др. Из немногих исключений — мемуары

¹⁸ *Мяжков Г.П., Сальникова А.А.* Мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» и становление отечественной автобиографистики историка // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель: мат-лы Первой Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар, 2002. С. 84.

¹⁹ *Каганович Б.С.* Е.В. Тарле и петербургские медиевисты // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2008. СПб., 2009. С. 25.

²⁰ *Леонтьева О.Б.* Мемуары историков на переломе эпох: личностная рефлексия, профессиональная идентичность // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18. № 6. С. 138–147.

²¹ *Гутнова Е.В.* Пережитое. М., 2001.

²² *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004.

²³ *Зимин А.А.* Храм науки (Размышления о пережитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 34–385.

²⁴ *Некрич А.М.* Отрешись от страха. Воспоминания историка. London, 1979.

²⁵ *Рабинович М.Г.* Записки советского интеллектуала / Публикация и коммент. О.В. Будницкого; вступ. статья Л.А. Беляева, О.В. Будницкого, В.Я. Петрухина. М., 2005.

Р. Ш. Ганелина²⁶, А. Л. Литвина²⁷ и Ю. А. Полякова²⁸, незавершенные наброски воспоминания В. М. Панеяха²⁹, опубликованные посмертно записки В. Л. Янина³⁰.

В мемуарах Н. Н. Покровского, в отличие от многих других историков (и в отличие от его собственных писем), очень скупо представлена рефлексия процесса его становления как ученого, характеристики профессиональных взглядов и ситуации в научном сообществе. Все это присутствует лишь имплицитно. Тому могут быть две причины. Во-первых, как нами уже отмечено, воспоминания Н. Н. Покровского посвящены почти исключительно детству, юности, студенческим годам. Во-вторых, они были не написаны, а продиктованы, причем в 2003 и 2004 гг. — в семейном кругу (сестре и жене), а в 2007 г. — сотрудникам гимназии, где он преподавал в последние годы жизни. Тема воспитания, особенно семейного, в это время очень интересовала и даже волновала Николая Николаевича.

В современных историографических исследованиях и работах по культуре повседневности советской эпохи все чаще используется индивидуально-личностный подход, в том числе и применительно к биографиям отечественных историков. Все чаще появляются «историографические портреты ученых в единстве их жизненного пути, творчества и среды»³¹. Однако сказанное относится преимущественно к историкам XIX — первой половины XX в. В работах Л. А. Сидоровой для «анализа внутреннего мира историков» использованы «материалы дневников, воспоминаний и переписки». Но, за немногими исключениями, повествуется о литературных, театральных, музыкальных и прочих интересах и увлечениях представителей «старой» (дореволюционной) школы. И тому есть объективное основание: «документы личного характера историков послевоенного поколения крайне малочисленны»³².

Нередко при публикации писем историков составители отбирают те, в которых освещаются вопросы, имевшие непосредственное отношение к их профессиональной деятельности. Так, В. Г. Бухерт, готовя прекрасное издание переписки Н. М. и Е. И. Дружининых, при включении писем в публикацию руководствовался их ценностью для изучения истории исторической науки³³.

При подготовке к изданию писем Н. Н. Покровского нельзя было не заметить их богатейшего информационного потенциала для изучения такого актуального

²⁶ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2004.

²⁷ Литвин А. Л. Жизнь как выживание: Воспоминания и размышления о прошлом / предисл. И. Х. Урилова. М., 2013

²⁸ Поляков Ю. А. Минувшее: фрагменты (воспоминания историка). М., 2011. В 2 кн.; и др.

²⁹ Вовина-Лебедева В. Г. Попытка самоанализа: о несостоявшихся мемуарах В. М. Панеяха // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 227–246.

³⁰ Янин В. Л. О себе и о других. М.; СПб., 2021.

³¹ Корзун В. П. «Историю можно воссоздать... лишь пережив ее в себе». Размышления над книгой А. В. Гордона «Историки железного века» // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 410.

³² Сидорова Л. А. Советские историки: духовный и научный облик. М.; СПб., 2017. С. 8.

³³ Бухерт В. Г. Предисловие // Переписка Н. М. и Е. И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / сост. В. Г. Бухерт. М., 2018. С. 4.

сейчас вопроса, как историографический быт. Вероятно, под ним можно понимать «концентрированное выражение всех жизненных изгибов в судьбе ученого, которые воздействуют на процесс сотворения исторического знания»³⁴. Не менее (если не более) ценны они и в аспекте историографии как «истории людей», развивающейся сейчас в поле интеллектуальной истории.

Преобладающую часть публикуемого комплекса составляют письма Николая Николаевича к матери. Необходимо учитывать, что в нашем распоряжении имеются только его письма и практически нет писем ему. Однако есть ответы на вопросы, объяснения и разъяснения своей позиции, поступков, действий, а также прямые цитаты и пересказ слов матери. Все это позволяет восстановить мнение Татьяны Андреевны по ряду вопросов и в какой-то степени реконструировать тот общий мир, который существовал в жизни корреспондентов и проявлялся наличием в переписке «определенных тем, имен, реалий», частотой и контекстом их появления³⁵. В немногих имеющихся в нашем распоряжении письмах Татьяны Андреевны есть очень важные для биографии ее сына сведения. Так, в 1973 г. она писала: «А какой поддержкой ты был для меня после отца. Во многом, очень многом ты мне помог тогда. Да просто из могилы вытащил... Теперь я понимаю, что, видимо, нелегко тебе было ... отказываться от всех интересных поездок, экспедиций и приезжать снова ко мне». Вероятно, именно поэтому впервые в экспедиции Н. Н. Покровский попал во владимиро-суздальский период. Важное обстоятельство, влиявшее на содержание писем к матери, — ее профессия. Эти письма наполнены, порой даже переполнены сообщениями о состоянии здоровья, болезнях, лечении, лекарствах. Вероятно, подобная особенность объясняется и тем, что сын отвечал на вопросы Татьяны Андреевны, и тем, что он привык советоваться с нею как с врачом, по медицинским вопросам.

Эпистолярный нередко оказывается вполне достоверным и очень информативным источником. Многие факты из биографии Н. Н. Покровского могут быть почерпнуты именно из него. Частота и регулярность писем к матери приближает их к дневнику, хотя не следует преувеличивать откровенность автора.

Писем, освещающих детство и юность Н. Н. Покровского, в нашем распоряжении не имеется, за единственным исключением — в бумагах отца, Н. И. Покровского, сохранилось письмо к нему сына от 19 декабря 1941 г. Эти периоды жизни Н. Н. Покровского довольно подробно освещены в его воспоминаниях и в некоторых его письмах к матери более поздних, преимущественно лагерных лет.

Московский период биографии Н. Н. Покровского представлен его письмами к матери. Они содержали подробный и откровенный рассказ о быте, здоровье, настроении, работе. Николай Николаевич писал о чтении художественной литературы, посещении театров, выставок и впечатлениях от прочитанного

³⁴ *Алеврас Н.Н.* Что такое «историографический быт»? Из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня. Теория, методы, перспективы. 2-е изд. М., 2012. С. 534.

³⁵ *Паперно И.А.* Переписка Пушкина как целостный текст (май — октябрь 1831 г.) // Ученые записки Тартуского университета. 1977. Т. 420. Метрика и поэтика. Вып. 2. С. 71.

и увиденного, общении с коллегами, работе над диссертацией. Вот лишь некоторые из затрагивавшихся в письмах тем: новые сведения биографического характера, в том числе противоречащие информации официальных документов; круг чтения, эстетические запросы и вкусы, интереснейшие характеристики литературных произведений, пьес и кинофильмов; красочные описания природы; рассуждения и соображения профессионального характера.

Важная составляющая всей содержащейся в письмах информации — сведения о профессиональных интересах и взглядах автора, их направленности и эволюции. Обычно источником для изучения этой темы служат письма коллегам. В данном случае мы имеем дело с редким исключением. Татьяна Андреевна Прасолова не была историком, она закончила биологический факультет университета и медицинский институт, много лет работала врачом, имела научные работы. В письмах сына к ней за 1950-е, московские годы, есть ожидаемая информация о личной и деловой стороне жизни: о трудностях и успехах в учебе, работе над дипломом и командировках в ленинградские архивы, экзаменах и защите диссертации, оформлении на работу и первых шагах начинающего преподавателя. В них приводятся сведения о новом направлении научной и педагогической работы, в том числе об активной, если не решающей, роли при создании первого указателя мемуаров по истории советского периода, о разработке и чтении первого курса по источниковедению советской эпохи. Удивительно много подробных, серьезных размышлений на сугубо профессиональные темы. В частности, представлены соображения по содержанию диссертации, конкретные выводы и наблюдения о крестьянском землевладении. Подобная ситуация может объясняться и близостью, «родством душ» матери и сына, ее желанием вникать во все интересовавшее его. Объяснение такого феномена можно искать также в семейной истории: ведь муж Татьяны Андреевны, отец Николая Николаевича, был историком, возможно, беседы на профессиональные темы были приняты в доме. Кроме того, изложение своих мыслей на бумаге — хотя бы в письме, — вероятно, способствовало их уяснению и формулированию. То обстоятельство, что Т. А. Прасолова не была профессиональным историком, побуждало Николая Николаевича излагать свои мысли популярно и просто — позже в ряде своих научно-популярных работ он делал это блистательно.

Уже из первых писем видны ростки свободомыслия. Мы не ставим перед собой задачу изучения идейно-политических взглядов ни самого Н. Н. Покровского, ни, тем более, других членов группы «молодых историков». Не пытаемся восстановить историю создания, деятельности и разгрома этой группы, ареста, следствия и заключения ее членов. Этот вопрос частично освещен в ряде работ³⁶. Более полную и глубокую характеристику его еще предстоит дать, используя недоступные пока источники. Но многое можно понять и по переписке с матерью.

³⁶ Герасимова О. Г. «Оттепель», «Заморозки» и студенты Московского университета. М., 2015; Сергеев В. Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева-Ренделя // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 3. С. 98–103; Сергеев В. Н. «Университетское дело»: формирование оппозиционных взглядов группы Л. Краснопевцева — Л. Ренделя // <http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=69>.

От времени следствия и суда писем в нашем распоряжении не имеется: подследственный не имел права на переписку. Есть только письма З. В. Бородиной к Т. А. Прасоловой, сохранившиеся в копиях, сделанных Н. Д. Зольниковой и ею же подготовленных к печати (это обстоятельство каждый раз не оговаривается). Мы решили воспроизвести отрывки из них. Это не только уникальный материал для реконструкции событий и отношения к ним Н. Н. Покровского. Их содержание основано на рассказах Николая Николаевича во время свиданий, а иногда прямо предназначалось им для передачи матери.

Арест, следствие, пребывание на Лубянке заставили Н. Н. Покровского осознать возможные трагические последствия совершенного для собственной судьбы (в том числе профессиональной) и, главное, для родных. В конце марта 1958 г. З. В. Бородина передала свекрови слова мужа: «Месяца три назад я начал спать, — сказал он мне, — я поверил, что вы будете жить и работать»³⁷. Стоявшие за ними тяжелейшие ожидания и переживания вполне объяснимы — заключенным был хорошо известен опыт репрессий в сталинские времена. Именно тогда Николай Николаевич, вероятно, впервые начал переосмысливать происшедшее и даже, может быть, раскаиваться. Н. Д. Зольникова пришла к такому же выводу. Она писала, что «у Н. Н. Покровского в его одиночке, вероятно, начались мучительные раздумья о судьбе близких и цене своей нелегальной работы»³⁸.

За годы нахождения в лагере переписка Н. Н. Покровского с матерью была особенно частой, писем сохранилось очень много. Их содержание по большей части носит сугубо бытовой характер: речь идет о состоянии здоровья, питании, одежде, работе, возможностях получения посылок и свиданий, а также о чтении, природе и любимом с детства цветоводстве. Обычно сообщается о получении посылок, о том, как дошли продукты. Из писем видно, что вместе питались Покровский и его друг Михаил Семененко, порой даже встречается координация содержания высылавшихся родственниками посылок.

Конечно, говорится о надеждах на сокращение срока, отношениях с лагерной администрацией и другими заключенными, письмах жены и ее приездах, беспокойстве о ее здоровье, о сыне. Вообще Николай Николаевич очень много и подробно писал о жене и сыне, росшем вдаль от отца, любви к ним, о своей благодарности Зое Васильевне за все, что она делала для мужа в годы его заключения. Часто сообщается о чтении новых книг и статей по истории, новых планах и замыслах, самообразовании — занятиях историей и иностранными языками. Очень много говорится о чтении художественной литературы, знакомстве с новыми кинофильмами, им дается не просто оценка, но и анализ. Ни до, ни после столь подробного обсуждения художественной литературы и кинофильмов не встречается, что понятно: и до лагеря, и после него автор был занят интересной и важной работой, а в лагере письма служили своеобразным замещением утраченного общения. Часто автор мысленно возвращается к счастливым временам детства, повторяя, как заклинание, что жизнь всей семьи — с матерью, женой и сыном — в одном доме еще впереди³⁹.

³⁷ Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь. С. 14.

³⁸ Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь. С. 14.

³⁹ Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь. С. 38–39.

Бросается в глаза, что описания природы, впечатления от книг и кинофильмов занимают в десятки раз больше места, чем рассказ о принудительном труде, который занимал большую часть времени заключенных. Сын постоянно сообщал, что кормят очень хорошо, есть и диетический стол и т. д. В то же время столь же неизменными были просьбы выслать те или иные продукты. А товарищ по делу и по лагерю М. И. Семененко вспоминал в конце жизни о протухшем мясе, вымоченном в марганцовке перед приготовлением из него пищи⁴⁰. В письмах Покровского к матери лагерная действительность совершенно очевидно искажается. Н. Д. Зольникова выделила две очевидные причины: понимание возможности (можно уточнить: неизбежности) чтения их посторонними и стремление беречь мать⁴¹. Гораздо более точные сведения о жизни Николая Николаевича содержатся в письмах Зои Васильевны. Но и она далеко не всегда откровенна, о тяжести положения сообщает лишь в случае крайней необходимости. Для преодоления эффекта «лакировки действительности» в виде вставок размещены отрывки из писем З. В. Бородиной к Т. А. Прасоловой с изложением ее впечатлений, полученных во время свиданий с мужем⁴². С этой же целью (и для понимания содержания публикуемых писем и степени откровенности/скрытности их автора) приводятся отдельные небольшие фрагменты из воспоминаний других заключенных, осужденных по этому делу, а также — в комментариях — из материалов Генеральной прокуратуры.

В эпистолярной лагерной литературе, как и ранее, немало рассуждений на профессиональные темы. Вообще исторические исследования неизменно оставались центральным, главенствующим занятием. Лишенный доступа в архивы и библиотеки, в лагере Николай Николаевич обратился к изучению теоретических вопросов, писал о генезисе феодализма и возлагал на этот свой труд некие надежды. Но после получения от тепло относившегося к своему ученику Н. Л. Рубинштейна критического отзыва подобная деятельность прекращается. Профессиональная тематика практически исчезает из писем и, очевидно, из занятий. Остаются лишь чтение книг и статей, упорное изучение иностранных языков — возможно, и в практических целях, т. к. были опасения, что получить право работать историком будет трудно и придется зарабатывать переводами. Несмотря ни на что, в письмах звучит надежда вернуться к любимому делу и устроить общий дом — с матерью, женой и сыном.

Письма 1964 — первой половины 1965 г., когда Покровский работал во Владимиро-Суздальском музее, адресованы матери и учителю, М. Н. Тихомирову. Они, как нам кажется, могут быть полезны не только для воссоздания биографии ученого, но и для истории музея, и для изучения Тихомировского собрания. Особенно важным и интересным представляется находящийся в одном из писем к матери рассказ о работе со знаменитым Друцким Евангелием. Уже не раз, в том

⁴⁰ Интервью Михаила Ивановича Семененко 17 марта 2016 г. // https://mygulag.ru/semenenko_mikhail Музей истории ГУЛАГа. (Дата обращения 28.02.2021).

⁴¹ Зольникова Н. Д. Повседневная жизнь. С. 7–8.

⁴² Отрывки из писем З. В. Бородиной, приведены в виде дополнения в перечне писем Н. Н. Покровского.

числе с опорой на статьи, воспоминания и письма Н. Н. Покровского, указывалось на ту роль, которую сыграл М. Н. Тихомиров при устройстве своего ученика в Сибирское отделение Академии наук. Но первым шагом в возвращении в профессию, первым официальным местом работы для бывшего заключенного стал Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Сам Покровский в воспоминаниях писал о решающем значении в этом деле П. А. Зайончковского. Из писем Николая Николаевича к матери подтверждается важная роль Тихомирова.

После освобождения Н. Н. Покровский, понимая возможность перлюстрации, не затрагивал политических вопросов, не упоминал о многих важных событиях в жизни страны и даже Академгородка.

Письма владими́ро-суздальского периода⁴³ позволяют понять значение этих полутора лет для возвращения в профессию, для восстановления и получения тех знаний и навыков, которые позже стали столь значимыми в деятельности ученого. В это время велась работа по описанию Тихомировского собрания, очень важная в профессиональном плане. По ее результатам 18 декабря 1964 г. Покровский сделал первый доклад на заседании Археографической комиссии, это было первое его выступление перед подобной аудиторией «после очень и очень долгого перерыва». Возвращение в профессию происходило двумя способами: это были описание собрания Тихомирова и работа во Владимиро-Суздальском музее. Из суздальского периода берут начало многие интересы и направления последующей деятельности: Николай Николаевич готовил выставки старопечатных книг, ездил в экспедиции в поисках старых книг и вещей, изучал историю древнерусской архитектуры, живописи и т. д. Не все возникшие проекты были реализованы, но были опубликованы в местной газете популярные статьи, подписанные именем Покровского — впервые после ареста. В письмах отразилось подлинное увлечение музейным делом, понимание его перспектив и значения. Звучит в них поэтический настрой, сочетание интересов профессиональных и эстетических. В письмах из Суздаля есть подробное описание быта, восхищение красотой старинной русской архитектуры, рассказывается и о вхождении в музейную специфику. Николай Николаевич буквально живописует состояние некогда (и теперь) великолепных Архиерейских палат, в помещении которых находилась его комната. Представлены в них и те перемены в музее, которые происходили тогда и масштаб которых он осознал, став заместителем директора. В Суздале Покровский познакомился со многими деятелями культуры: В. П. Басовым, А. А. Солоницыным, А. А. Тарковским, С. В. Ямщиковым и др. Об этих знакомствах известно из воспоминаний сына, других источников, их имена не встречаются в имеющихся в нашем распоряжении письмах. Несколько раз в них упомянуто имя Алисы Ивановны Аксеновой — легендарной личности, директора музея-заповедника. Теперь можно оценить ее решимость: конечно, были рекомендации и ходатайства историков М. Н. Тихомирова и П. А. Зайончковского, но приказы о принятии на работу «зэка с неснятой судимостью» по политической статье, а затем и о назначении его своим замом подписывала она. Понятно, что должна

⁴³ Мы благодарны А. В. Силенову и сотрудникам Суздальского музея за помощь в подготовке комментариев к этим письмам.

была быть санкция вышестоящих инстанций и, наверное, «органов», но отвечать, в случае чего, пришлось бы ей. Можно предположить, что за девять-десять месяцев работы (зачислен в музей Покровский был в январе 1964 г., заместителем директора назначен 18 сентября⁴⁴) Аксенова сумела оценить потенциал сотрудника.

Письма новосибирского — самого для нас важного — периода жизни Николая Николаевича адресованы матери, С. О. Шмидту и еще нескольким коллегам. Письма Шмидту составляют очень важную часть публикуемого эпистолярия. Выдающийся отечественный историк, источниковед, многолетний председатель Археографической комиссии Академии наук, С. О. Шмидт был одним из старших учеников М. Н. Тихомирова и старших товарищей Н. Н. Покровского. Как вспоминал сам Николай Николаевич, Шмидту и Д. И. Тверской их учитель поручил «опекать» младшего ученика, каким и был Покровский. Сигурд Оттович выполнял эту функцию дружески и ответственно. Из публикуемых писем видны взаимоотношения, масштаб личностей, заботы о деле обоих корреспондентов. Постепенно, примерно со второй половины 70-х гг., по-прежнему близкие отношения превращаются в дружбу и взаимопомощь равных служителей общего дела.

Эпистолярный этих лет дает представление, хотя и неполное, о круге научных интересов и забот ученого, о взаимоотношениях с коллегами, о первых экспедициях и находках, о преподавании в университете, становлении личности Н. Н. Покровского как организатора науки. Особый, неоценимый интерес имеют письма, в которых рассказывается о знаменитой находке Судного списка Максима Грека, о подготовке памятника к изданию, связанных с этим волнениях и проблемах. Очень информативны и важны откровенные рассказы матери и Сигурду Оттовичу о борьбе за создание группы, а затем сектора, о связанных с этим трудностях, неприятностях и успехах, и, конечно, о развитии археографических исследований в Сибири.

Из писем видно, что опорой и утешением в самые трудные времена служили далекие — и не очень — от профессии интересы и увлечения. Всем лично знавшим Николая Николаевича памятна его любовь к цветоводству. Столь же неизменной темой было восхищение красотой природы — и на подмосковной даче тестя и тещи, и в Мордовии, и на Владимирщине, и в Сибири. Описания были красочны, а порой и художественны.

Многие письма Н. Н. Покровского могут быть использованы при изучении истории Московского университета, настроений и быта студентов и преподавателей, биографии М. Н. Тихомирова, историографического быта. Несмотря на стремление сгладить трудности и тяжесть пребывания в лагере, они имеют немалую ценность как источник для изучения условий жизни заключенных. Становится ясно, что отношения внутри группы осужденных по «делу молодых историков» (кстати, сам Николай Николаевич никогда не употреблял словосочетания «дело/группа Краснопевцева» или «Краснопевцева-Ренделя») были сложными, а порой и конфликтными. Немало ценной информации содержат они по истории Владимиро-Суздальского музея-заповедника и Суздаля вообще. Конечно, ценность эго-документов заключается, прежде всего, в освещении биографии,

⁴⁴ Трудовая книжка Н. Н. Покровского // Архив ИИ СО РАН.

взглядов, увлечений, настроений, круга общения автора и т. п. Они могут быть полезны и для изучения становления и эволюции его профессиональных интересов и взглядов, понимания и оценке им успехов и трудностей в работе, содержании научных планов и идей. Для характеристики его личности не менее важны другие сюжеты, относящиеся к художественной литературе, театру, музыке, изобразительному искусству. В письмах отразились хорошо известное ученикам и коллегам жизнелюбие Николая Николаевича, его любовь к книгам, искусству, фотоделу, природе, страстное увлечение цветоводством. Все это помогало ему жить и выживать, влияло на повседневные занятия, круг общения.

Мы сочли необходимым установить верхней границей выбранных для публикации писем 1975 г. Аргументы для такого решения следующие: во-первых, указанные выше соображения этического и юридического характера; во-вторых, изменение статуса самого Н. Н. Покровского — к этому времени он стал доктором исторических наук, заведующим созданным им сектором археографии и источниковедения Института истории, филологии и философии СО АН СССР, в связи с этим произошли перемены в составе его адресатов, характере и содержании писем; в-третьих, преобладающая часть имеющихся в нашем распоряжении писем относится к периоду до 1975 г.

Можно быть уверенными, что мемуарное и эпистолярное наследие Н. Н. Покровского войдет в поле зрения историографов, особенно тех, кто специализируется на истории исторической науки второй половины XX в. Оно позволяет проследить процесс становления интеллектуального лидера, формирования его профессиональных и личностных качеств.

Особая часть наследия Николая Николаевича — его работы научно-популярного и просветительного характера. Деятельность в этом направлении всегда была для него очень важной. Не случайно сразу после лагеря он подготовил несколько статей и заметок популярного характера. Во время работы во Владимиро-Суздальском музее были подготовлены небольшая статья о Соломонии Сабуровой и две заметки — о выставке книг из музейного собрания и о значении и содержании обнаруженных в музее делопроизводственных документов. Позже, уже в Новосибирске, Покровским опубликовано несколько статей в газетах об археографических экспедициях и находках, о значении сохранения и собирания памятников культуры. Вершиной этого направления его творчества стала замечательная и знаменитая книга «Путешествие за редкими книгами», выдержавшая три издания⁴⁵. Мы включили в Приложения ранее не публиковавшуюся (и незаконченную) небольшую научно-популярную статью о Соломонии Сабуровой и заметки из вышедшей во Владимире газеты.

В Приложения включено также несколько документов. Это письмо А. И. Тодорского в Генеральную прокуратуру, подтверждающее факт участия Н. Н. Покровского в подготовке библиографического указателя⁴⁶; отзыв М. Н. Тихомирова

⁴⁵ Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами / Вступ. ст. Д. С. Лихачева. М., 1984. 191 с.; 2-е изд., доп. М., 1988. 285 с.; 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005. 339 с.

⁴⁶ Ранее оно воспроизводилось по дефектной копии З. В. Бородиной (Матханова Н. П.). О работе Н. Н. Покровского над указателем «История советского общества

о дипломе Н. Н. Покровского⁴⁷ и его же рекомендация, адресованная руководству Сибирского отделения⁴⁸; воспоминания сотрудницы Владимиро-Суздальского музея-заповедника Т. И. Лапшиной о пребывании Н. Н. Покровского в Суздале; официальное письмо Н. Н. Покровского в поддержку награждения А. И. Аксеновой премией президента РФ; отзыв Д. С. Лихачева на рукопись «Судного дела Максима Грека и Исака Собаки»⁴⁹. Последний документ особенно важен — и не только потому, что в нем содержится оценка и характеристика самой рукописи. Он сыграл серьезную роль в институциональном оформлении сибирской археографии: формулировки из него почти дословно повторяются в Постановлении Президиума СО АН СССР 1970 г., содержащем указание «расширить начатые археографические исследования».

Публикация писем Н. Н. Покровского к С. О. Шмидту⁵⁰ подготовлена А. В. Мельниковым (Институт славяноведения РАН, Архив РАН), остальных писем — Н. Д. Зольниковой (письма к матери широко цитируются в ее статье, но мы не отмечаем в комментарии факт публикации фрагментов из них), Н. П. Матхановой и С. Г. Петровым (письмо Н. Я. Эйдельману); отрывки из писем Э. В. Бородиной к Т. А. Прасоловой подготовлены Н. Д. Зольниковой. Воспоминания подготовлены к печати Л. В. Титовой и сотрудниками издательского отдела Новосибирской православной гимназии во имя св. Сергия Радонежского под руководством протоиерея Б. И. Пивоварова, а также С. Г. Петровым, И. С. Черновой, И. А. Шишиловым. Комментарии к письмам и воспоминаниям осуществлены Н. П. Матхановой, Л. И. Журовой, Т. В. Панич, С. Г. Петровым, Н. Н. Покровским-мл., Н. А. Старухиным, Л. В. Титовой, И. А. Шишиловым (все — ИИ СО РАН), А. В. Мельниковым (Институт славяноведения РАН, Архив РАН), при участии Н. С. Гурьяновой, Н. Н. Родигиной, И. С. Черновой, А. Х. Элерта (все — ИИ СО РАН), А. В. Сиренова (СПБНИИ РАН), О. Д. Журавель (НГУ), А. С. Зайковой (Владими́ро-Суздальский музей-заповедник), Н. А. Мининкова (ЮФУ), В. А. Ромодановской (ИРЛИ РАН), А. А. Кузьменко (НГПУ), А. Ю. Бородихина и А. А. Юдина (ГПНТБ СО РАН), Е. О. Высоцкой (Ягодкиной, МГУ). Публикация статьи о Соломонии Сабуровой и комментарии к ней подготовлены Т. В. Панич, отзыва Д. С. Лихачева — Л. И. Журовой, остальных материалов, включенных в Приложения, — Н. П. Матхановой, А. А. Кузьменко, И. С. Черновой,

в воспоминаниях современников» (по материалам личного архива академика) // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2018. С. 20 (Серия «Археография и источниковедение Сибири», вып. 37), ныне — по исправному экземпляру той же копии.

⁴⁷ Отрывки впервые опубликованы в статье: *Шмидт С. О.* К предыстории издания последних книг академика М. Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Покровского. Новосибирск, 1990. С. 369–370 (Серия «Археография и источниковедение Сибири». Вып. 14).

⁴⁸ Впервые опубликовано: там же. С. 373–374.

⁴⁹ Так в документе.

⁵⁰ Мы благодарны руководству Архива РАН за разрешение опубликовать эти письма.

И. А. Шипиловым. Письма размещены по хронологическому принципу. Фотографии подобраны, отсканированы и обработаны Н. Н. Покровским-мл., В. А. Ромодановской, Н. А. Старухиным, И. А. Шипиловым. Расположение фотографий на вклейке и подписи к ним подготовлены В. А. Ромодановской, Н. Н. Покровским-мл. и Л. В. Титовой. Фотографии внутри текста «Воспоминаний» и подписи к ним даются в соответствии с авторской волей.

Мы благодарны коллегам из Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, Архива РАН, РО ИРЛИ РАН, ГИМ, Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Института истории СО РАН, других научных учреждений, библиотек и архивохранилищ за помощь в работе.

Опубликованные ранее тексты мемуарных и научно-просветительских произведений воспроизводятся в том виде, как они изданы. Письма, воспоминания и документы, которые издаются впервые, приводятся с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации. Географические названия и имена собственные воспроизводятся в авторском написании. Буква *ё* используется в соответствии с авторской волей. Имеющаяся правка текстов автором учитывается и оговаривается в текстуальном подстрочнике. При публикации писем сохраняется устойчивое авторское написание отдельных слов — Кубенка (вместо Кубинка), Университет (с заглавной буквы), мятель, церковушка, диета (диэтический и пр.), проэкт, проэктор, купэ, кашнэ, бог и Бог, академгородок и Академгородок (ныне используемая заглавная буква появляется с 1966–1967 г.). Подчеркивания, имевшиеся в рукописи, сохранены. Сокращения и пропуски раскрыты в квадратных скобках. Даты в письмах, независимо от их расположения в оригиналах, размещаются в начале текста в правом верхнем углу. Обозначение месяцев воспроизводится в том виде, в каком оно дано в рукописи, с использованием римских или арабских цифр (например, 1.IX [1968 г.] или 20.3. [1973 г.]). При отсутствии даты в тексте месяцы обозначаются словами в квадратных скобках. Факт установления даты по штемпелям на конверте особо не оговаривается (кроме писем к С. О. Шмидту). Все письма — автографы, кроме нескольких официальных, от имени Окладникова. В легенде отмечаются только эти исключительные случаи. Архивный адрес и прочие элементы легенды размещены после каждого публикуемого текста, за исключением писем к Т. А. Прасоловой, Н. И. Покровскому, С. Н. Покровской. Они, как и не публиковавшиеся ранее приложения, были отсканированы во время их нахождения в личном архиве Н. Н. Покровского. Ныне все эти материалы хранятся в ГАНО (Ф. Р-2475. Н. Н. Покровский. Переписка. Необработанные материалы).

Письма

№ 1¹

Н. И. Покровскому²

19/XII пятница [1941 г.]^{а3}

Здравствуй, дорогой папа!

Доехали мы благополучно и устроились очень хорошо: 3 больших комнаты, ванная и т. д. Мама⁴ и Лана⁵ очень довольны, что приехали сюда. Здесь так приятно ходить по улицам. В следующий понедельник, наверное, пойду в школу. Сегодня я весь день учил историю. Трудней всего будет с математикой⁶. Здесь все ново, хотя и однообразно. Только и есть нового, что сводки. Я очень скучаю по тебе. Иной раз закрою глаза и вижу тебя, раскладывающего пасьянс за обеденным столом. Часто кажется, что это Ростов. А живем мы у Георгия Петровича⁶. Вечером обычно скучно^в. Книг для чтения нет. Папа! Как только ты приедешь, мы все поедem к бабушке⁷. Пиши, когда приедешь. Пиши: г. Армавир до востребования. Наш адрес: Лермонтовская, 143, но мы не знаем, долго ли мы пробудем на этой квартире.

С приветом! Коля.

№ 2

Т. А. Прасоловой

Здравствуй, дорогая мама!

11 дек[абря] 1950

Получил на днях твое долгожданное и такое грустное письмо. У меня за это время было много работы, и, видно, было бы много о чем рассказать, если бы рассказывать каждый день, а сейчас вспоминаю, и мало что припоминается. Главное, написал доклад по новой истории (в эту среду буду его читать) и сделал ещё один доклад, неожиданно навалившийся на меня — на теоретической конференции по политэкономии. Обсуждение доклада по новой истории — «Вступление США в 1^ю мировую войну» — должно быть очень интересным: я там отстаиваю некоторые взгляды, противоречащие высказанным официально «Культурой и жизнью»⁸, но у меня очень большой фактический материал, подтверждающий мою правоту, к тому же вопрос всё ещё остается дискуссионным. Одним словом, в прошлом году всё это вызвало бы ярые споры, и семинар прошел бы чрезвычайно оживленно; сейчас, боюсь, этого не случится — семинар в этом году очень вялый, спорим мало. Не знаю даже, мама, как тебе писать всё это, ин[т]ересно ли, твои письма

^а Карандашом, детским неуверенным почерком; ^б испр. в ркп. из математикой; ^в далее зачеркнуто Читать нечего.

Содержание

Предисловие.	3
Письма	21
Воспоминания	427
Н.Н. Покровский, С.Н. Покровская. Мемуары	483
Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских (К 75-летию со дня рождения Н. Н. Покровского)	529
Годы пятидесятые и шестидесятые [О М. Н. Тихомирове]	548
«Дело» молодых историков (1957–1958 гг.)	555
От Нестора до Солженицына [О П. А. Зайончковском]	558
В пространстве и времени [О Н. Я. Эйдельмане]	561
Встречи [об А. А. Зимине]	563
Из воспоминаний Н. Н. Покровского [О НГУ]	566

Приложения

1. М. Н. Тихомиров. Отзыв о дипломной работе студента V-го курса т. Покровского Н. Н.	571
2. Письмо А. И. Тодорского Г. А. Терехову о Н. Н. Покровском	573
3. Соломония Сабурова	574
4. Воспоминания Т. И. Лапшиной.	578
5. Ими гордились бы музеи мира	579
6. Листая стрелецкие приказы	581
7. Представление А. И. Аксеновой на Государственную премию 2000 г.	584
8. М. Н. Тихомиров. Отзыв о работе кандидата исторических наук Н. Н. Покровского	586
9. Отзыв Д. С. Лихачева о рукописи монографии Н. Н. Покровского.	587
Комментарии	589
Перечень писем	694
Указатель писем по адресатам	699
Список сокращений.	700
Именной указатель	702